

© 2008 г. О.А. Плехова

ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ ОБЪЕКТА ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Проводится анализ понятия объекта должностных преступлений. Приводятся мнения различных авторов на содержание таких понятий как родовой, видовой, непосредственный и дополнительный объект должностных преступлений. Дается анализ судебной практики, и анализируются ошибки в определении объекта при квалификации должностных преступлений.

Ключевые слова: объект, преступление, должностные преступления, судебная практика

Уголовный кодекс РФ 1996 г., в рамках регламентации должностных преступлений имеет существенные отличия от Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. Во-первых он не содержит общего понятия «должностного преступления». Во-вторых Уголовный кодекс 1996года закрепил различие уголовной ответственности за преступления совершенные лицами исполняющими управленческие обязанности в коммерческих организациях и непосредственно должностных лиц. В науке уголовного права должностное преступление определяется как уголовно – наказуемого деяния, совершённое должностным лицом в связи со своей служебной деятельностью [1, с. 463]. Наиболее распространённым определением объекта преступления является понятие объекта как «охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым противоправное деяние причиняет вред либо создаёт угрозу причинения такого вреда» [1, с. 463].

Однако в науке уголовного права существует и иной подход к определению объекта преступления. Так, А.В.Наумов утверждает, что теория объекта преступления как общественного отношения «срабатывает» не всегда. Поэтому представляется возможным, по мнению автора, возвращения к теории объекта как правового блага, созданной еще в конце прошлого века в рамках классической и социологической школ уголовного права [2, с. 91-92]. А.В. Наумов в своей работе развивает идею высказанную еще Н.С.Таганцевым который писал, что «жизненным проявлением нормы может быть лишь то, что вызывает её возникновение, даёт ей содержание, служит ей оправданием – это интерес жизни, интерес человеческого общежития... При этом, обращая интерес жизни в правовое благо, право не только признаёт бытие этого интереса, не только даёт ему охрану и защиту, но видоизменяет его в объеме, форме, иного даже в содержании, сглаживая его частный, индивидуальный характер и придавая ему социальное, общественное значение. Таким образом, посягательство на норму права в её реальном бытии есть посягательство на правоохраняемый интерес жизни, на правовое благо. Причём конечно не всякий интерес этих групп получает правоохрану, а только тот, который может иметь общественное значение. Охраняемые объекты могут иметь реальный характер – жизнь, здоровье, неприкосновенность владения, или идеальный – честь, религиозное чувство, благопристойность и т.д. Эти интересы могут принадлежать отдельному лицу, физическому или юридическому, или отдельным общностям, существующим в государстве, или всей совокупности общественных факторов, всему обществу, или, наконец, государству как юридически организованному целому» [3, с. 32].

Такой позиции придерживаются и современные авторы. Так, Е.В. Львович утверждает, что название главы 30 УК РФ - «Преступления против государственной власти,

интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» - является доказательством того, что законодатель в качестве объекта преступного посягательства выделяет как общественные отношения, а именно, общественные отношения, связанные с деятельностью государственной власти, так и охраняемые уголовным законом интересы государственной службы в органах местного самоуправления, которые сами по себе нельзя назвать общественными отношениями. Поэтому объектом преступного посягательства могут быть и общественные отношения, и интересы, которым в результате совершения преступления причинён ущерб [4, с. 8]. Однако, надо согласиться с теми авторами которые полагают, что «интерес» - категория сугубо социальная. Он лежит в основе и генезисе любых общественных отношений [5, с. 616]. Таким образом, объектом преступления являются общественные отношения, которым в следствии совершенного преступления причиняется вред или возникает угроза причинения вреда.

Уголовный кодекс Российской Федерации имеет четырехступенчатую систему объектов, в нее входит общий, родовой, видовой и непосредственный объекты преступного посягательства. Многие современные исследователи в качестве родового объекта рассматривают интересы, на которые посягают преступления, предусмотренные нормами об уголовной ответственности, помещенные в единый раздел Уголовного кодекса. Видовым же объектом признаются отношения, ответственность за посягательства на которые предусматривается в нормах одной главы УК РФ [6, с. 586]. Анализируемые нами преступления помещены в раздел X «Преступления против государственной власти» и главу 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Таким образом, родовым объектом рассматриваемых преступлений являются общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления государственной власти.

Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент РФ, Федеральное собрание РФ, Правительство РФ, суды РФ. Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти (ст. 11 Конституции РФ). Видовой объект, установленный законодателем для данных преступлений, представляет собой общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Ю.И. Ляпунов считает, что интересами государственной службы, является безусловно точное исполнение должностными лицами положений Конституции РФ, конституций и уставов субъектов РФ в надлежащей, соответствующей предписаниям и требованиям других российских законов, деятельности по обеспечению полномочий государственных органов. Аналогичны интересы службы в органах местного самоуправления [6]. Такая позиция представляется верной, однако к субъектам безусловно точно исполняющим нормативно-правовые акты Российской Федерации надо отнести не только должностных лиц, но и служащих в целом, не являющихся должностными лицами [7, с. 5].

В юридической литературе большинство авторов определяют видовой объект должностных преступлений как нормальную деятельность публичного аппарата управления в лице государственных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, органов местного самоуправления, а также аппарата управления в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации по выполнению стоящих перед ними задач [8, с. 98].

Против такой позиции выступает Н.А. Егорова [9, с. 6-7]. Она утверждает, что понятие видového объекта как нарушение нормальной (правильной) деятельности публичного аппарата управления в целом верное, но страдает излишней широтой – оно абстрактно, в нем не раскрывается суть «правильной» (нормальной) работы государственных и муниципальных организаций. В своих доводах автор ссылается на труды Б.С. Утевского, кото-

рый утверждал, что «правильная работа» – это не есть конкретный объект. К тому же не всегда должностные преступления действительно нарушают правильную работу учреждения или предприятия [10, с. 304-305]. Если под «правильной работой», утверждает Н.А. Егорова, имеются ввиду исключительно организация труда, процесс делопроизводства, финансовое положение юридического лица и т.п., позволяющие его работникам беспрепятственно осуществлять свои функции, то это суждение правильно. Однако, если правильная работа означает также деятельность, отвечающую требованиям правовых норм, то истинность вышеприведенного суждения сомнительна. Для обоснования своих доводов автор приводит пример: должностное лицо государственного органа получает взятку за совершение действий, не нарушающих закон или распоряжается государственными средствами в своих интересах. В результате чего организации причиняется определенный ущерб, но это не препятствует продолжению ее нормальной деятельности. Поэтому в качестве объекта преступлений, предусмотренных статьями главы 30 УК, Н.А. Егорова, считает осуществляемую в соответствии с законодательством деятельность в сфере властных отношений, должностных лиц и других лиц, указанных в примечании к ст. 285 УК [9], хотя относит данные общественные отношения к родовому объекту.

Против обоих, вышеуказанных позиций, при определении видового объекта должностных преступлений выступает Е.В. Львович, она утверждает, что «использование при описании объекта преступления терминов «нормальная», «правильная», «законная» едва ли уместно, т.к. они носят весьма субъективный характер». Автор полагает, что «характеристика деятельности органов государственной власти должно сводиться к её легальности, т.к. именно легальность означает юридическое обоснование власти, её соответствие правовым нормам, которые в зависимости от юридической силы делятся на правовые нормы законов и подзаконных актов» [11, с. 9]. Однако как видно из определения термина «легальность», приводимого самим автором, это не что иное, как соответствие правовым нормам, поэтому понятия «законная деятельность» и «легальная деятельность» понятия тождественные.

Существуют и иные точки зрения. И.А. Смелов определяет объект рассматриваемых преступлений как функцию управления государственного аппарата, которая реализуется в деятельности должностных лиц в разных сферах экономики, культуры, охраны общественного порядка и пр. Управление состоит в различной по характеру организационной работе, планировании, сборе и анализе информации, хозяйственном руководстве, распорядительной деятельности, управлении материальными ценностями. Должностные преступления нарушают правильное функционирование звеньев государственного аппарата, организаций, учреждений [12].

В юридической литературе существует и более широкое понимание объекта должностных преступлений, за счет включения в него авторитета соответствующих органов [13, с. 126]. Такая позиция, по нашему мнению, является верной. На это обращал внимание еще в 1879 г. министр юстиции Н.В. Муравьев: «Почти безошибочно можно сказать, что всякое преступление по должности, независимо от своих ближайших конкретных последствий, производит в сфере государственных, общественных и индивидуальных интересов некоторые разрушительные результаты: в известном размере, до известной степени, оно всегда подрывает доверие к представителям власти, дискредитирует их в общественном мнении, умаляет уважение, которым они должны пользоваться и без которого немислима успешная служебная деятельность, а главное – способствует образованию и воспитанию в обществе взгляда на закон, принимаемый и охраняемый должностными лицами как нечто такое, что очень строго и требовательно по принципу, но очень свободно и легко обходится и нарушается в действительности» [14, с. 576]. Однако, при совершении каждого должностного преступления вред причиняется и авторитету государственной власти в целом, и авторитету государственных органов и органов местного самоуправле-

ния, и авторитету соответствующего звена публичного аппарата управления. Так как авторитет государственной власти, органов государственной власти и авторитет органов местного самоуправления пронизывает все общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Следовательно, авторитет государственной власти, государственных органов и органов местного самоуправления необходимо относить как к родовому, видовому, так и к непосредственному объекту злоупотребления и превышения должностных полномочий. Однако некоторые авторы, признавая авторитет государственной власти в качестве самостоятельного объекта должностных преступлений, сильно сужают определение видового объекта и определяют его как «общественные отношения, обеспечивающие высокий авторитет государства, позволяющий государственным и муниципальным органам эффективно реализовывать функцию управления обществом» [15, с. 9]. Таким образом, сторонники такого подхода, сводят к авторитету всё определение объекта преступного посягательства.

В юридической литературе есть и противники отнесения авторитета занимаемой должности к объекту должностных преступлений. Так Снежко А.С. в своей работе критикует мнение С.П. Слава который полагает, что «авторитет или престиж государственной власти в целом и ее органов является элементом правосознания, не порождает общественных отношений и ими не является. Поэтому авторитет ...относится к правосознанию и выступает в виде проявления преступных последствий в форме морального вреда, который причиняется совершенным уголовно-наказуемым должностным злоупотреблением». По этому поводу А.С. Снежко, правильно замечает, что «хотя С.П. Слав справедливо относит авторитет к элементу правосознания, он неоправданно исключает правосознание из механизма уголовно-правовой охраны. Поскольку нарушение авторитета органа государственной власти порождает преступные последствия, тем самым оно нарушает и охраняемый уголовным правом объект» [16, с. 41]. В судебной практике встречаются и иные случаи. Так, отменяя приговор по делу З. по обвинению в совершении преступления предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, Президиум Верховного Суда РФ отметил, что подрыв авторитета органов власти сам по себе не является существенным вредом и не свидетельствует о наличии в действиях З. данного состава преступления [17].

Представляется неверной позиция авторов [18, с. 573], полагающих, что родовой, видовой и непосредственный объекты рассматриваемых преступлений совпадают, или совпадают только видовой и непосредственный объекты [19, с. 8], и составляют один общий объект – нормальную деятельность органов государственного управления, государственной службы и местного самоуправления. В обоснование этой позиции говорится, что если к непосредственному объекту рассматриваемых преступлений относить деятельность конкретного государственного органа, учреждения, органа местного самоуправления, воинской части, то подобная дифференциация объектов выглядит искусственной. Деятельность конкретного органа, учреждения, воинской части нарушается конкретным преступлением, а не защищается от неопределенного круга посягательств, что характерно для непосредственного объекта [16, с. 48]. Однако «при такой трактовке нарушается общепринятое положение о том, что указанные объекты (родовой, видовой и непосредственный) должны находиться в одной плоскости одних и тех же общественных отношений, но при этом не совпадают. Они не могут совпадать, как не могут совпадать часть целого с целым» [20, с. 115].

Таким образом, непосредственным объектом злоупотребления и превышения должностных полномочий является основанная на законе и других нормативно-правовых актах нормальная деятельность соответствующего звена публичного аппарата управления в лице государственных органов, органов местного самоуправления, государственных или же муниципальных учреждений, а также аппарата управления в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях РФ. В работе В.А. Владимирова и В.Ф. Киричен-

ко к непосредственному объекту рассматриваемых преступлений отнесены законные права и интересы граждан [21, с. 21]. По нашему мнению надо согласиться с Галаховой А.В. которая, выступая против такой позиции указывала, что деятельность соответственного учреждения или органа может быть нарушена путем причинения существенного вреда, во-первых, государственным или общественным интересам, во-вторых, охраняемым законам правам и интересам граждан или, в-третьих, тем и другим интересам одновременно. То есть нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, общества, государства выступает в виде способа совершения преступления [22, с. 87]. Поскольку диспозиции статей 285 и 286 УК РФ предусматривают в качестве основного признака состава преступления нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, охраняемых законом интересов общества и государства, то такие права и законные интересы выступают в качестве дополнительного объекта.

Литература

1. Курс уголовного права. Особенная часть: В 5-и томах. Т. 5 М., 2002.
2. Российское уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева А.В. Наумова. М., 1997.
3. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. М., 1994.
4. *Львович Е.В.* Должностное злоупотребление: проблемы криминализации, квалификации и отграничения от правонарушений, не являющихся преступлениями. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1997.
6. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. М., 1998.
7. *Егорова Н.А.* Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: Лекция. Волгоград, 2000
8. Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 1997.
9. *Егорова Н.А.* Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Волгоград, 2000.
10. *Утевский Б.С.* Общее учение о должностных преступлениях. М., 1948.
11. *Львович Е.В.* Должностное злоупотребление: проблемы криминализации, квалификации и отграничения от правонарушений, не являющихся преступлениями. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
12. *Смелов И.А.* Уголовная ответственность должностных лиц // Чиновникъ. иара. ги. 1999. Вып. 3.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Д. Иванова. Ростов н/Д, 2002. С. 409; Иванов В.Д. Уголовное законодательство Российской Федерации. Часть Особенная. Ростов н/Д, 1997. Т. 3. С. 126.;
14. *Муравьев Н.В.* Об уголовном преследовании должностных лиц за преступления по службе // Юридический вестник. 1879. Кн. 2.
15. *Ревякин М.Н.* Уголовно – правовые и криминологические меры противодействия преступлениям, совершаемым должностными лицами. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2004.
16. *Снежко А.С.* Состав превышения должностных полномочий: законодательное описание и проблема квалификации: Монография / Под науч. ред. В.П. Коняхина. Краснодар, 2004.

17. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26.03.03. № 51п2003// Информационно-правовая система «Консультант Плюс: Судебная практика».
18. *Смирнова Н.Н.* Уголовное право: Учебник. СПб., 1998.
19. *Ковалёва Н.М.* Должностное лицо и должностное преступление в уголовном праве России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2004.
20. *Ветров Н.И.* Уголовное право. Общая часть. М., 1999.
21. *Владимиров В.А. и Кириченко В.Ф.* Должностные преступления: Лекция. М., 1965.
22. *Галахова А.В.* Непосредственный объект превышения власти или служебных полномочий // Сборник статей адъюнктов и соискателей. М., 1970.

Ростовская областная коллегия адвокатов

17 марта 2008 г.
